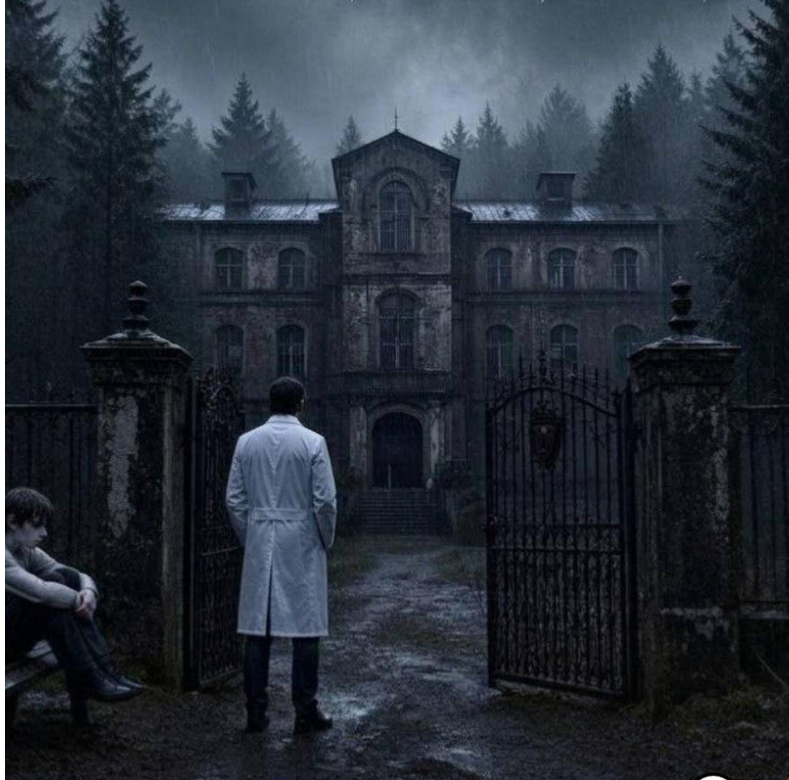

АННА ЛИС
ДОКТОР ВЕРНЕР

психологический триллер

18+

АННА ЛИС

Доктор Вернер

<https://litres.ru/74042016>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психиатрическая клиника имени доктора Бернхарда Кольбе — последний приют для тех, кого общество предпочло бы забыть. Сюда привозят маньяков, серийных убийц и тех, кто слышит голос во тьме.

Доктор Мориц Вернер работает с самыми сложными случаями. Тридцать лет практики, стальные нервы — и ни одного срыва. Но пациент Фабиан Шрамм не такой, как все. Он не кричит, не бьётся в истерике, не молит о таблетках. Он улыбается. И рассказывает о своих жертвах с нежностью, которую нормальный человек не должен испытывать.

Семь убитых. Восьмой — пропал без вести. Его тело не найдено. А Шрамм знает, где он. И не скажет. Пока не получит то, что хочет.

Морицу предстоит игра, в которой ставка — жизнь подростка. И чем ближе доктор к правде, тем яснее понимает: граница между безумием и злом тоньше, чем он думал.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
ГЛАВА 1. Клиника	6
ГЛАВА 2. Привоз	12
ГЛАВА 3. Первая беседа	19
ГЛАВА 4. Детство	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Доктор Вернер

ОТ АВТОРА

Привет, читатель.

Эта книга — мой дебют. Я писала её долго, переписывала, сомневалась, боялась, что не выйдет. Но история не отпускала — ни днём, ни ночью. Она билась изнутри, рвалась наружу, и я не могла её не выпустить.

Я не знаю, что ты ищешь в книгах. Может быть, — острые ощущения, что заставляют кровь бежать быстрее. Может быть, — ответы на вопросы, которые ты боишься задать сам себе, когда в комнате гаснет свет. А может быть, — просто хорошую историю, в которую можно уйти с головой, забыв про всё на свете.

«Доктор Вернер» — это не учебник по психиатрии и не сухая документальная хроника. Это вымысел. Но в каждом персонаже, в каждой тёмной комнате, в каждом долгом молчании — пульсирует частичка меня. Мои страхи, мои вопросы, моё представление о том, где пролегает та самая тонкая грань между человеком и зверем.

Если тебе станет страшно или неудобно — это правильно. Этого я и добивалась. Но если после прочтения ты задумаешься о чём-то важном — о чём-то своём, сокровенном —

значит, мы встретились не зря.

Спасибо, что открыл эту книгу.

АННА ЛИС

ГЛАВА 1. Клиника

За городом, там, где асфальт сменяется гравийной дорогой, а та — грунтовкой, упирающейся в сумрачные сосновые лапы, притаилась психиатрическая больница имени доктора Бернхарда Кольбе. Здание, памятник ушедшему веку, возвышалось из массивного кирпича с высокими стрельчатыми окнами, затянутыми коваными решётками. Черепичная крыша, словно седая мантия, покрылась вековым мхом. Флигели, подобно крыльям огромной тёмной птицы, расходились в стороны, обнимая просторы территории. Между ними — вымощенные камнем дорожки, замшелые скамьи, газоны, которым редко доставалась стрижка: пациенты редко покидали свои кельи.

Территория обширная. Позади центрального корпуса, словно продолжение его каменного сердца, вытянулись три жилых блока — для пациентов, чей режим отличался строгостью. Далее — хозяйственные постройки, старый спортзал с выбитыми глазницами окон и теплица, где трудотерапия дарила жизнь помидорам. И наконец, у самого края владений, возвышалось здание для персонала: трёхэтажный барак из красного кирпича, перестроенный из бывших покоев медсестёр.

Здесь обитали те, кто служил больнице с понедельника по

пятницу. Врачи, чьи умы боролись с тенями; психологи, нащупывающие нити разума; санитары, чьи руки воплощали заботу. Некоторые, словно птицы, прилетали каждое утро из города — час в пути по пустынной трассе. Другие же, как доктор Мориц Вернер, предпочитали недельное заточение в стенах этого уединённого мира. Ему досталась комната на втором этаже, с окном, выходящим на лес, и телефоном, чья молчаливость была ему привычнее звонка.

Морицу исполнилось шестьдесят. Для своих лет он был воплощением неугасающей энергии: подтянут, быстр в движениях, с острым, внимательным взглядом, пронзающим из-под густых бровей. Седина, словно иней, покрыла виски и усы, но глаза оставались молодыми — серыми, колючими, с привычкой задерживаться на собеседнике чуть дольше, чем это приличествует. Ростом он был невысок, но держался прямо, почти по-военному, не преклоняясь ни перед кем. Белый халат сидел на нём безупречно; он носил его поверх серых свитеров, потому что пуговицы старомодных рубашек вечно норовили разбежаться.

Он никогда не был женат, детей не имел. Коллеги, подшучивая, звали его «монахом», и он не обижался. Вся жизнь Морица Вернера была здесь — в этих стенах, в этих коридорах, в этих ежедневных схватках с людским безумием. Он начинал свой путь ординатором в восемьдесят седьмом, прошёл все ступени от санитаря до ведущего психиатра, но никогда не стремился к вершинам власти. Заведующий отде-

лением? Нет, благодарю. Главврач? Упаси боже. Ему нужна была только работа.

Исключительно сложные случаи. Те, от которых шарахались коллеги. Те, кого привозили из следственных изоляторов в бронежилетах и с конвоем. Те, чьи имена мелькали в вечерних новостях, а лица — лишь на размытых снимках в газетах. Маньяки. Серийные убийцы. Социопаты. Психопаты. Люди с чёрной бездной внутри — и именно с этой бездной работал Мориц Вернер.

За год он брался за двух, максимум трёх пациентов. На каждого уходили месяцы — череда бесед, тестов, наблюдений, сомнений, прозрений и долгих возвращений к началу. Он садился напротив и смотрел. Спрашивал. Молчал. Слушал. И постепенно, слой за слоем, снимал маски, которых у каждого было по пять-шесть штук.

Некоторые, пройдя через его кабинет, оказывались вменяемы. Он отправлял их обратно в тюрьму — к следователям, к суду, к пожизненному заключению. Некоторые — нет. Те оставались здесь, в стенах больницы, переходя из жилых блоков в изоляторы и обратно, старели, седели, учились искусно симулировать исцеление и умирали так же одиноко, как жили.

Мориц не боялся их. Не презирал. Не испытывал жалости. Он относился к ним как к механизмам со сломанной шестерёнкой — с научным любопытством, интересуясь, где, когда и почему произошла поломка. Ни одного срыва за тридцать

лет. Ни одной жалобы. Ни одного ложного диагноза.

Коллеги уважали его. Нянечки завидовали его стальной выдержке. Санитары же опасались — не пациентов, а его спокойного, будто раздевающего до самой сути взгляда.

Кабинет Морица располагался на втором этаже центрального корпуса, в самой глубине длинного гулкого коридора. Дубовая дверь с тусклой табличкой «д-р М. Вернер». Внутри — ни единой личной вещи. Лишь выбеленные стены, массивное бюро прошлого века, два стула для посетителей (жёсткие, нарочито неудобные), настольная лампа с изумрудным абажуром — единственный источник света в вечных сумерках. На стене — диплом, выцветший до хрупкой бледности. В углу — высокий шкаф, хранящий тайны картотеки.

В ящике стола — блокнот, ручки, жетон для психиатрической экспертизы и старая выцветшая фотография: мать, отец, он сам, тринадцатилетний, — последнее общее фото перед тем, как отец ушёл, а мать запила.

Больше ничего.

Здесь Мориц Вернер вершил свои беседы. Здесь выслушивал признания, за которыми для осуждённых следовали приговоры. Здесь решал судьбы — не как судья, а как врач, чья подпись стоила свободы или пожизненного заключения.

Сегодня был понедельник. Он прибыл в восемь утра, заварил горький кофе, уселся за стол, открыл папку.

На обложке было напечатано:

ШРАММ, ФАБИАН.

Обвинение: убийство семерых лиц мужского пола, возраст 19–26 лет.

Направлен на судебно-психиатрическую экспертизу по решению суда. Мориц медленно перевернул первую страницу. Фото: молодой человек, тридцать один год. Светлые волосы, гладко зачёсанные назад. Голубые глаза впиваются в объектив. Лицо спокойно — почти располагающе. Ни шрамов, ни татуировок. Ни единой черты, выдающей семерых убитых. Он читал дальше. Научно-медицинское отделение прокуратуры подготовило развёрнутое заключение.

«При осмотре тел всех семи потерпевших обнаружены множественные повреждения, характерные для жестокого обращения до и после смерти. У всех жертв — следы анального проникновения. На четырёх телах — следы проникновения посторонними предметами с разрывами тканей. На двух телах — ожоги от сигарет. На одном — следы укусов. На всех телах обнаружена сперма, принадлежащая подозреваемому. Генетическая экспертиза подтвердила: Фабиан Шрамм».

Мориц медленно выдохнул. Перевернул страницу. Список жертв: семь имён. От Маркуса, двадцати шести лет, до... Он замер. Восьмое имя было выделено кроваво-красным.

ЯКОБ, ЛЕНАРТ, 17 лет.

Примечание следователя: *«Есть основания полагать, что Ленарт Якоб мог подвергнуться аналогичному обращению».*

нию перед смертью или во время неё. В связи с отсутствием тела установить точные обстоятельства не представляется возможным. Родители настаивают на том, что их сын жив».

Мориц закрыл глаза.

Семнадцать лет. Ребёнок почти. Последняя, самая юная жертва — и без тела. Следы крови, сперма — но нет трупа. Мальчик мог быть жив на момент задержания Шрамма. Мог быть заперт где-то. Мог истечь кровью в подвале. Мог быть продан. Мог... Он открыл глаза. Отхлебнул кофе — он уже остыл, горький, противный.

Завтра привезут пациента. И нужно будет выяснить не только — вменяем он или нет, но и жив ли последний мальчик, где его тело — или где он сам. И сколько на самом деле было жертв.

Мориц подошёл к картотеке, открыл ящик с пометкой «СХ», достал несколько дел. Прошлые пациенты — те, кто убивал и не раскаивался. Те, кто насиловал и расчленил. Он сел, открыл первое, но мысли были не здесь.

За окном моросил дождь. Где-то там, в шумном городе, мать Ленарта Якоба каждый вечер смотрит на телефон, замирая в надежде на звонок. А Фабиан Шрамм сидит в следственном изоляторе и, вероятно, знает всю правду. Мориц закрыл папку, допил остывший кофе, встал.

Завтра начнётся самая сложная работа в его жизни.

ГЛАВА 2. Привоз

Утро вторника началось с sireны. Мориц Вернер стоял у окна своего кабинета, наблюдая, как машина с конвоем въезжает под своды ворот клиники. Два чёрных автомобиля без опознавательных знаков, между ними — белый микроавтобус с зарешеченными окнами. Ворота захлопнулись, поглотив последнюю машину. Вокруг — лишь шорох дождя да далёкий лай собаки с хозяйственного двора.

Доктор сделал глоток кофе. Сегодня он проснулся в пять утра — не от кошмара, от предчувствия. Тридцать лет работы, а руки всё равно стынют перед новым пациентом. Не от страха, но от понимания: вот-вот привезут человека, чьи деяния невысказаны для разума. И этот человек сядет напротив, заглянет в глаза и, возможно, улыбнётся.

Он поставил чашку, одёрнул халат и вышел в коридор.

Центральный корпус встретил его запахом хлорки и звенящей тишиной. Дежурная медсестра, фрау Кёлер, сидела на посту, попивая чай и увлечённо читая детектив. Увидев Морица, она оторвалась от книги.

— Везут уже, — сообщила она. — Звонили из приёмного покоя. Через пять минут будут здесь.

— Спасибо, — кивнул доктор. — Подготовьте смотровую.

— Готово.

Он направился к лифту. Нажал кнопку. Двери открылись медленно, со вздохом, будто сам лифт нехотя впускал его в преисподнюю грядущих событий.

Приёмный покой располагался на первом этаже, в крыле для особо опасных пациентов. Там были отдельные шлюзы, решётки на окнах, двери с электронными замками и санитары, облачённые в бронежилеты. Мориц не любил это крыло — слишком много железа, слишком мало воздуха. Но для Фабиана Шрамма оно подходило идеально. Когда он вошёл, конвой уже прибыл.

Четверо мужчин в чёрной форме стояли по углам, держа руки на автоматах. Двое санитаров клиники, кряжистые парни с бесстрастными лицами, держали пациента под локтями. На нём был тюремный костюм — серый, мешковатый, с нашивкой следственного изолятора. Руки скованы спереди, ноги — кандалы с короткой цепью.

Фабиан Шрамм стоял, опустив голову. Светлые волосы, зачёсанные назад, слиплись от пота. Он был худым, выше среднего роста, с бледной кожей и длинными пальцами — пальцами пианиста или хирурга. Конвоир, старший группы, протянул Морицу бумаги.

— Доктор Вернер? Документы на передачу. Подпишите здесь и здесь.

Мориц взял ручку, подписал, не глядя.

— Наручники снимаем? — спросил санитар.

— Пока нет, — ответил мужчина. — Проведём в смотро-

вую, там посмотрим.

Он подошёл к пациенту. Остановился в двух шагах.

— Фабиан Шрамм? — спросил он. — Меня зовут Мориц Вернер. Я психиатр. Вы будете находиться под моим наблюдением в течение ближайших недель. Я задаю вопросы, вы отвечаете. Всё просто.

Пациент медленно поднял голову. Голубые глаза смотрели спокойно, без страха, без вызова. Спокойно, как у человека, пришедшего на плановый осмотр. На лице — лёгкая, едва заметная улыбка. Не злая. Не дружелюбная. Просто... улыбка присутствия.

— Здравствуйте, доктор Вернер, — сказал Фабиан. Голос был приятным — бархатистым, с лёгкой хрипотцой. — Я много слышал о вас.

— Не сомневаюсь, — ответил Мориц. — Пройдёмте.

Он повернулся и пошёл к смотровой. За спиной звякнули кандалы — санитары повели пациента следом.

Смотровая была тесной, без окон, с единственной лампой под потолком. Белые стены, кушетка, стерильный стол с инструментами. Доктор жестом велел санитарам выйти.

— Оставайтесь за дверью, — сказал он. — Но если услышите шум — входите.

Санитары вышли. Дверь за ними закрылась. Мориц и Фабиан остались вдвоём.

— Сядьте, — сказал врач, указывая на кушетку.

Фабиан сел. Кандалы звякнули, цепь между ног натяну-

лась. Он положил руки на колени, посмотрел на Морица с тем же спокойствием.

— Вы будете снимать наручники? — спросил он.

— Когда я буду уверен, что вы не представляете угрозы.

— Я не представляю, — Шрамм улыбнулся шире. — Я никогда не причинял вреда тем, кто не был моим... избранным.

Мориц сел напротив, на такой же стул, без стола между ними. Он смотрел в глаза пациенту. Тридцать лет практики — он видел множество взглядов. Пустые, злые, безумные, хитрые, молящие. Глаза Фабиана были иными. В них не было пустоты. Там было что-то живое, но неправильное. Как у хищника, который изучает добычу, но не голоден — сыт. Просто наблюдает.

— Расскажите мне о Ленарте Якобе, — сказал Мориц.

Тишина повисла в комнате. Улыбка Шрамма не дрогнула, но в глазах мелькнула тень. Воспоминание. Или удовольствие.

— Ах, Лени, — сказал он. Голос стал мягче, почти нежным. — Лени был особенным. Самым молодым. Самым красивым. Самым...

Он замолчал. Наклонил голову набок, словно любопытная птица.

— Вы хотите знать, жив ли он, доктор?

Мориц молчал.

— Все хотят знать. Следователи, родители, адвокаты.

Особенно мама. Бедная фрау Якоб. Она пишет мне письма, знаете? В тюрьму. Просит сказать, где её мальчик.

Он улыбнулся. Холодно.

— Я не отвечаю. Это моя тайна.

Доктор сделал пометку в блокноте, не отрывая глаз от пациента.

— Почему вы убили остальных?

— Убил? — Фабиан поднял бровь. — Вы сказали «убил». Я предпочитаю слово «освободил». Они были прекрасны, доктор. Я хотел, чтобы эта красота осталась со мной навсегда. А живые — они уходят. Стареют. Меняются. А мои мальчики... они вечно молоды. Вечно прекрасны.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки в наручниках.

— Вы не понимаете. Никто не понимает. Но вы — вы психиатр. Вы должны понять. Это ведь ваша работа — понимать таких, как я.

Врач отложил блокнот.

— Фабиан, я не собираюсь вас понимать. Я собираюсь выяснить, понимали ли вы, что делали. В тот момент, когда душили Маркуса. Когда вставляли бутылку в...

Шрамм перебил его:

— В списке семь имён, доктор. Но вы забыли про восьмое. Он улыбнулся. Улыбка была широкой, почти счастливой.

— Лени жив. Хотите знать, где он?

Мориц молчал.

— Поиграйте со мной, доктор. Побеседуйте. Может быть,

я расскажу. А может быть, нет.

Он откинулся на кушетке, насколько позволяли кандалы, и закрыл глаза.

Мориц сидел, смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается холод. Не страх. Нетерпение. И понимание, что с этим пациентом будет сложнее, чем со всеми предыдущими. Он встал, вышел из смотровой. Санитары ждали в коридоре.

— В палату, — сказал он. — Усиленный режим. Наблюдение круглосуточно.

Он пошёл к себе в кабинет, поднялся на второй этаж, сел за стол. Открыл папку, перечитал показания свидетелей, протоколы допросов. Нигде не было ни единого намёка на раскаяние. Только холодная, абсолютная уверенность в своей правоте. Мужчина закрыл папку, посмотрел в окно.

Дождь кончился. Из-за туч выглянуло солнце — бледное, осеннее, негреющее. Где-то там, в лесу, может быть, лежит тело семнадцатилетнего мальчика. Или он сидит в подвале, прикованный к стене, и ждёт, когда кто-нибудь его найдёт. А Фабиан Шрамм улыбается в своей палате и знает ответ.

Мориц достал блокнот, написал:

«Первое впечатление: высокий интеллект, полное отсутствие эмпатии, удовольствие от воспоминаний, манипулятивное поведение. Вопрос вменяемости открыт. Вопрос местонахождения Якоба Ленарта — приоритет».

Он отложил ручку. Завтра — новая беседа. А пока — надо

ПОДГОТОВИТЬСЯ.

ГЛАВА 3. Первая беседа

На следующее утро Мориц вошёл в кабинет. Первым делом он подошёл к окну. Дождь кончился. Бледное, равнодушное солнце повисло над сосновым лесом, искажая тени. Он постоял минуту, собираясь с мыслями, затем сел за стол, достал блокнот и нажал кнопку интеркома.

«Фабиана Шрамма в кабинет».

Через семь минут за дверью послышались шаги — тяжёлые шаги санитаров и лёгкий перестук кандалов. Мориц выпрямился. Дверь открылась.

Фабиан вошёл первым — без наручников, лишь в ножных кандалах, сковывающих шаг. На нём была серая больничная одежда, мешковатая на худом теле. Светлые волосы, влажные от недавнего душа, были зачёсаны назад. Лицо казалось свежим, спокойным. Он выспался.

Санитары остались за дверью.

— Присаживайтесь, — сказал Мориц, указывая на стул напротив.

Фабиан сел. Кандалы звякнули. Сложив руки на коленях, он посмотрел на врача. Голубые глаза блестели — не лихорадочно, а живо, с искренним интересом.

— Удобно? — спросил доктор.

— Вполне, — ответил Шрамм. — Спасибо, доктор. Здесь

тише, чем в СИЗО. Там кричали по ночам. Здесь — только ветер.

— Вы боитесь ветра?

— Нет, — Фабиан чуть наклонил голову. — Я люблю ветер. Он напоминает мне о свободе.

Мориц сделал пометку.

— Вы скучаете по свободе?

Шрамм задумался. Надолго — секунд на десять. Врач не торопил.

— Скучаю, — сказал он наконец. — Не по самой свободе. По тому, что я делал на свободе.

— По убийствам?

— По встречам с мальчиками, — поправил Фабиан. — По их лицам. По тому, как они смотрели на меня сначала — с интересом. Потом — со страхом. Потом — с надеждой. А в конце... в конце они смотрели в пустоту. Это было красиво. Он улыбнулся — спокойно, почти нежно.

Мориц отложил ручку.

— Расскажите мне о первом, — сказал он. — О Маркусе.

Фабиан выпрямился. Всё его лицо неуловимо изменилось — глаза стали мягче, на губах появилась мечтательная полуулыбка. Он смотрел куда-то сквозь Морица, сквозь стены кабинета, сквозь время.

— Ах, Маркус, — произнёс он, и голос его стал тише, бархатистее, почти интимным. — Маркус был первым. Самым особенным. Самым красивым. Он вошёл в мою жизнь как

луч солнца — неожиданно, ослепительно, навсегда.

Он замолчал, словно заново переживая что-то.

— Маркусу было двадцать шесть. Он работал фитнес-тренером в элитном клубе — «Феникс». Идеальное тело, доктор. Вы даже не представляете. Кожа загорелая, гладкая, пахнущая дорогим маслом. Мышцы перекачивались под кожей, как живые. Тёмные волосы, карие глаза — я обычно предпочитаю светлых, но Маркус был исключением. Он улыбался так, что хотелось улыбаться в ответ. Он пах так, что хотелось вдыхать этот запах вечно.

Шрамм прикрыл глаза.

— Я познакомился с ним в кафе недалеко от его клуба. Он пил зелёный чай, разбирал бумаги. Я сел за соседний столик, спросил, не помешаю ли. Он сказал: «Нет, я как раз закончил». Мы разговорились. О спорте, о питании, о жизни. Он был умным. Не только красивое тело — живой ум. Это редкость. Такая редкость.

Фабиан открыл глаза.

— Мы встречались несколько раз. Я не торопился. Ходили в кино, гуляли по парку, ужинали. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает желание. Не просто сексуальное. Желание обладать. Желание владеть. Желание сделать его частью себя.

Голос его стал тише.

— Через месяц я пригласил его за город. Сказал, что есть старый дом, где можно красиво сфотографироваться. Он лю-

бил фотографии, Маркус. Всегда выкладывал новые фото в соцсети. Сотни лайков. Он согласился сразу. Даже не спросил, где именно.

Мориц слушал, не перебивая.

— В машине он был весёлым. Шутил, смеялся, трогал меня за плечо. Я улыбался, но внутри всё кипело. Я знал, что сейчас произойдёт. Я ждал этого момента месяцами. Годами. Всю жизнь.

Фабиан облизнулся.

— Мы приехали. Дом стоял в лесу — старый, заброшенный. Я нажал на пульт, гаражные ворота открылись. Я заехал внутрь. Ворота закрылись. Маркус спросил: «Что происходит?» Я не ответил. Я вышел из машины, обошёл её, открыл его дверь. Он сидел, сжимая ремень безопасности, и смотрел на меня. В его глазах был страх. Первый раз.

Шрамм улыбнулся — мечтательно, почти сладко.

— Я наклонился, поцеловал его в щёку и сказал: «Ничего страшного. Просто небольшая игра». Он не сопротивлялся. Он был сильным — мог бы повалить меня, ударить, убежать. Но он испугался. А страх парализует даже самых сильных. Я взял его за руку — он был тёплым и мягким — и повёл в подвал.

Фабиан замолчал. Провёл пальцами по подлокотнику.

— Первые два дня я просто смотрел на него. Раздевал, трогал, целовал каждый сантиметр его тела. Он был прекрасен, доктор. Его кожа, его запах, его звуки. Он сначала не

сопротивлялся — надеялся, что я отпущу. Потом начал просить: «Пожалуйста, дай мне уйти, я никому не скажу». Я не слушал.

Голос Шрамма стал хриплым.

— На третий день я взял его в первый раз. Он лежал на столе, привязанный ремнями — запястья, лодыжки, шея. Он не мог пошевелиться. Я смотрел на него сверху. Он плакал. Я вошёл в него медленно — хотел почувствовать каждое движение, каждую мышцу, каждую дрожь. Он был горячим изнутри. Живым. Я кончил в него. Чувствовал, как пульсирует, как его тело сжимается вокруг меня, как он всхлипывает. Это было самое сильное ощущение в моей жизни.

Фабиан закрыл глаза.

— Я кончал в него снова и снова. В зад. В рот. На лицо. На грудь. На живот. Сперма текла по его телу, смешивалась с потом и слезами. Он лежал, открыв рот, и смотрел в потолок. Я мастурбировал, глядя на него, и кончал ему прямо в глаза. Он даже не моргал. Только слёзы текли по вискам, смывая сперму.

Доктор почувствовал, как внутри поднимается тошнота. Не показал.

— На четвёртый день я начал делать больно. Сначала пальцами — давил на ушибы, которые остались от ремней. Он кричал. Я включал камеру — хотел запомнить этот крик навсегда. Потом я взял шокер. Вставлял ему в зад, включал и смотрел, как он выгибается дугой, как кричит, как его член

дёргается, как из него течёт моя сперма, смешанная с кровью.

Фабиан открыл глаза. В них блестели слёзы — не раскаяния, не боли. Восторга.

— Он сломался на пятый день. Перестал кричать. Перестал плакать. Лежал, смотрел в потолок и улыбался. Я не знаю, что он там видел. Может быть, свет в конце тоннеля. Может быть, меня. Я задушил его. Медленно. Хотел видеть, как уходит жизнь из его глаз. Это было самое красивое, что я когда-либо видел.

Шрамм посмотрел на Морица. Улыбнулся.

— Потом я расчленил его. Аккуратно. С любовью. Каждую часть тела я завернул отдельно — в белую ткань, как подарок. Разбросал в разных местах. Я хотел, чтобы его нашли. Чтобы любовались им. Как я.

Врач сидел, не двигаясь. Рука с ручкой замерла над блоком. Он видел многое за тридцать лет. Но каждый раз — как в первый. Как будто кто-то открывал дверь в комнату, где никогда не горел свет.

— На его теле нашли вашу сперму, — сказал он. — И кровь. Вашу кровь.

— Да, — Фабиан кивнул, не переставая улыбаться. — Я порезался, когда разделял его. Неаккуратно. Впервые. Со вторым было аккуратнее. С Лени — совсем чисто. Только сперма. Только любовь. Без крови.

Мориц отложил ручку.

— Беседа окончена. Санитары отведут вас в палату.

Фабиан не двинулся с места. Он смотрел на врача, и в его глазах было что-то, что врач не мог прочесть.

— Вы никогда не испытывали такого, доктор? — спросил Шрамм. — Такой любви? Когда человек становится частью тебя. Буквально. Его кровь — на твоих руках. Его плоть — внутри тебя. Его крик — в твоих ушах. Это ли не любовь?

— Это не любовь, — сказал Мориц. — Это одержимость. И жестокость.

— А в чём разница? — Фабиан наклонил голову. — Если любишь — готов причинить боль. Если любишь — готов убить. Если любишь — хочешь обладать навсегда. Разве не так?

Доктор промолчал. Фабиан встал. Кандалы звякнули.

— До завтра, доктор Вернер, — сказал он. — Завтра я расскажу вам о втором. Но он был скучным. Не таким, как Маркус. Маркус был особенным. Он научил меня любить.

Он повернулся и пошёл к двери. На пороге обернулся.

— Я храню его фотографии, — сказал он. — До ареста. В телефоне, который следователи, наверное, уже нашли. Но в голове — ярче. Там он живой. Всегда живой. Всегда мой.

Дверь закрылась.

Мориц остался один. Он сидел, смотрел на закрытую дверь и слушал, как затихают шаги в коридоре. Потом открыл блокнот и написал:

«Первая жертва (Маркус): сексуальное насилие много-

кратно, сперма на теле и внутри, кровь убийцы. Пациент испытывает к этой жертве эмоциональную привязанность, описывает её с восторгом и нежностью. Вопрос вменяемости: полностью осознавал свои действия. Вопрос садизма: явный, с элементами эротизации пыток. Ленарт Якоб — ключ. Пациент говорит о нём в ином тоне — аккуратнее, чище. Возможно — жив».

Он закрыл блокнот, подошёл к окну.

Солнце уже поднялось выше, но лес оставался тёмным. Доктор посмотрел на телефон. Он мог позвонить следователю. Сказать: «Копайте глубже. Ищите тайники Шрамма. Он не убил последнего». Но что это даст? Улик нет. Времени почти нет.

Остался только один способ — продолжать беседы. Ждать. Надеяться.

Фабиан Шрамм был безумен. Но не так, как хотелось бы суду. Он был безумен той особенной безумностью, которая не освобождает от ответственности. Которая делает его ещё более опасным.

ГЛАВА 4. Детство

На следующее утро Мориц вошёл в кабинет, первым делом распахнув окно. Прохладный, влажный воздух, напоённый терпким ароматом хвои и прелой листвы, наполнил пространство. Он постоял мгновение, глубоко вдыхая, затем закрыл окно, вернулся к столу и коснулся кнопки интеркома.

«Фабиана Шрамма в кабинет».

Пациент явился в этот раз с необычайной скоростью. Четыре минуты — и за дверью послышались шаги. Двое санитаров ввели Фабиана, усадили его на стул и удалились. На ногах у него были кандалы, но рук не сковывали. Шрамм выглядел отдохнувшим, в глазах его играл живой блеск, а на губах застыла лёгкая, едва уловимая улыбка.

— Доброе утро, доктор Вернер, — произнёс он. — Не выспались?

— Доброе утро, — отозвался Мориц.

— А я вот не очень, — Фабиан едва заметно склонил голову. — Сны тревожили. Старые. Хорошие.

Мориц отложил ручку.

— Расскажите о ваших снах.

Улыбка Фабиана стала шире.

— Я видел лес. Тот самый, что обрамляет дом. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь верхушки сосен, высокая

влажная трава. Я иду по узкой тропинке один. И мне хорошо. Спокойно. Вы знаете это чувство, когда находишься там, где тебе и положено быть?

— Знаю.

— Вот и я знал. С самого детства. Я всегда любил лес. И одиночество. Другие дети боялись темноты, боялись остаться одни. Я — нет. Я просил маму выключить свет и закрыть дверь. Сидел в темноте и слушал тишину. Мне было интересно — что там, в этой непроглядной тишине? Потом я понял. Там был я. Настоящий. Без масок, без притворных улыбок, без навязчивых «пожалуйста» и «спасибо». Только я и мои мысли.

Мориц сделал пометку в блокноте.

— Каким было ваше детство?

— Хорошим, — Фабиан ответил мгновенно, без колебаний. — У нас был большой дом на окраине. Сад, собака, две машины. Отец служил в банке, мама занималась домом. Меня не били. Не насиловали. Не запирали в подвале. У меня была своя комната, игрушки. Я ни в чём не нуждался.

Он замолчал. Взгляд его устремился в окно.

— Вы хотите найти причину, доктор? — спросил он. — Все хотят. Следователи, психологи, судьи. Ищут травму, насилие, унижение. Что-то, что сломало меня. Но я не сломан. Я всегда был таким.

— Таким?

Шрамм повернулся к нему. Взгляд его стал серьёзным, по-

что печальным.

— Другим, — произнёс он. — Я не плакал, когда умерла моя собака. Мне было восемь. Бассет, старый, хворый. Мать рыдала, отец гладил её по голове. А я стоял и смотрел на безжизненное тело, размышляя: как это странно, что оно больше не дышит. Меня это не расстроило. Меня это заинтриговало. Что такое смерть? Куда уходит та самая жизнь? Я начал штудировать книги по биологии, смотреть документальные фильмы. Затем — записи хирургических операций. Мне нравилось наблюдать, как разрезают живую плоть. Как течёт кровь. Как движутся внутренние органы. Это было красиво. Не страшно. Красиво.

Мориц слушал, стараясь не прерывать.

— В школе я был лучшим учеником. Учителя меня любили, одноклассники уважали. Я не дрался, не устраивал безобразий. Я был вежливым, спокойным, примерным мальчиком. Никто не догадывался, что творится у меня в голове. Никто не спрашивал. А если бы и спросили — я бы, скорее всего, промолчал. Потому что не умел объяснить. Как объяснить человеку, видящему мир в чёрно-белых тонах, что ты воспринимаешь его в сотне оттенков красного?

Фабиан снова замолчал. Пробежал пальцами по подлокотнику стула.

— Первое живое существо я убил в двенадцать лет. Котёнка. Соседского. Я забрался к ним в сарай, поймал, задушил руками. Он был крошечный, мягкий, тёплый. Он смот-

рел на меня жёлтыми глазами и мурлыкал. Думал, я играю. А я сжимал его горлышко. Медленно. Наблюдал, как угасает жизнь. Когда он умер, я положил его на траву и ушёл. Никто не узнал. Соседи решили, что он сбежал. Я не испытывал вины. Только интерес. И удовлетворение. Словно после сытного обеда.

Врач смотрел на пациента. Тридцать лет практики — и он знал, что такие люди существуют. Не сломленные, не искалеченные. Просто родившиеся без того внутреннего механизма, что у большинства людей именуется совестью.

— Потом были другие животные, — продолжал Фабиан. — Кошки, собаки, кролики. Я выбирал разных — по размеру, по весу, по реакции на боль. Мне нравилось наблюдать. Как они дёргаются, когда их душишь. Как замирают, когда пускаешь кровь. Как их глаза сначала блестят, а потом тускнеют. Это было... красиво. Опять это слово. Вы, вероятно, думаете, что я сумасшедший.

— Я думаю, что вы отличаетесь от большинства людей, — осторожно сказал Мориц.

— Отличаюсь, — Фабиан кивнул. — Я всегда знал, что отличаюсь. Но не считал это болезнью. Я считал это даром. Я вижу мир таким, какой он есть. Без розовых очков. Без лжи. Животные убивают друг друга, чтобы выжить. Я убивал, потому что мне нравилось. В чём разница?

— Животные убивают ради пропитания. Вы — ради удовольствия.

— Какая разница, доктор? Голод — тоже удовольствие, когда его утоляешь. Секс — удовольствие. Сон — удовольствие. Почему убийство не может быть удовольствием? Потому что кто-то решил, что это плохо? Вы верите в мораль, доктор? В объективное добро и зло?

Мориц молчал.

— Я не верю, — произнёс Шрамм. — Есть только то, что нравится, и то, что не нравится. Мне нравится убивать. Мне нравится наблюдать, как умирают красивые мальчики. Это моя правда. А ваша правда — другая. Но это не делает меня безумцем. Делает меня... другим.

Он откинулся на спинку стула, насколько позволяли кандалы.

— Вы хотите знать, был ли я вменяем, когда убивал Маркуса и остальных? Я отвечаю: да. Я полностью осознавал, что делаю. Я знал, что это запрещено законом. Я знал, что меня будут искать. Я знал, что если поймают — отправлюсь в тюрьму или попаду сюда. И я всё равно это делал. Потому что мне это доставляло больше удовольствия, чем страх наказания.

Доктор сделал очередную пометку. Затем отложил ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.